

© 2000 г.

А.В. ЦИММЕРЛИНГ

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ ГЛАЗАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЕДОВ

В последние десятилетия лингвисты всего мира все в большей степени вынуждены согласовывать свои выступления в дискуссии – устной и письменной – с метаязыком, принятым в модных доктринах. Синтаксиста не поймут правильно, если он не будет обсуждать "цепочки", "максимальные проекции" и "минимальные области". Интонолог должен анализировать "просодические кластеры", а от специалиста по семантике ожидают, что он будет ежеминутно рассуждать о "λ-конверсии" и "плавающих кванторах". Специалисту по прагматике рекомендуется называть себя "когнитивистом", а также исследовать "структуру дискурса". Типолог может рассчитывать на понимание, если покажет, как "кодируются грамматические категории" и введет ту или иную "иерархию функциональных признаков".

Слияние с традицией, или хотя бы приспособление к ней, требует немалой подготовительной работы. Чтение словарей современных лингвистических терминов¹ является необходимой ее частью, но не избавляет от всех трудностей, поскольку за новой терминологией обычно стоит новая постановка проблемы и новые приоритеты исследования. Нужны не только справочные и реферативные, но и концептуальные материалы, где показываются плюсы и минусы данной научной доктрины и ставится вопрос о том, что ей могут противопоставить другие научные школы. Для нашей науки роль моста между отечественным и зарубежным языкознанием в течение почти тридцати лет играли тематические выпуски серии НЗЛ ("Новое в зарубежной лингвистике"), выходившей с 1961 по 1989 гг. В период выхода выпусков НЗЛ в СССР всегда существовал узкий круг лингвистов, группировавшихся вокруг переводчиков и составителей данных выпусков, которые работали в русле реферируемых концепций. Многие из культивировавшихся в нашей стране в 1960–1980 гг. направлений – модель "Смысл ↔ Текст", логический анализ, анализ лексических концептов [Гладкий, Мельчук 1969; Апресян 1974; Мельчук 1974; Падучева 1974] – не только были отголоском развивавшихся на западе доктрин, но по ряду признаков опередили их.

В последние годы наметились негативные сдвиги: бесспорные достижения отечественной лингвистики создали ощущение ее самодостаточности, что проявляется либо в отсутствии интереса к исканиям западных ученых, либо в снисходительном отношении к ним. В этой связи наше внимание привлекла изданная в 1997 г. Московским Государственным Университетом книга "Фундаментальные направления современной американской лингвистики", которая является плодом совместного творчества 15 видных отечественных и зарубежных ученых и освещает активно развивающиеся направления американской лингвистики [ФИСАЛ 1997]. Поскольку упомянутое издание весьма репрезентативно, воспользуемся им в качестве путеводителя по современной американской лингвистике в первой части нашей статьи, после чего можно будет обсудить некоторые из поднятых проблем более подробно.

Лейтмотив книги задан уже в Предисловии редакторов, где отмечается, что в

¹ В 1990-е гг. отечественный читатель уже получил два таких словаря, ср. [Баранов, Добровольский 1993], [Баранов. 1996].

последние годы разрыв между российской и мировой лингвистикой растет, и что российские и западные лингвисты "нуждаются в общем языке, на котором они могут обсуждать общие проблемы". Авторы книги надеются, что она продолжит традицию, созданную выпусками НЗЛ. Программная цель издания, согласно Предисловию, – способствовать активизации научного диалога между российскими и западными лингвистами и хотя бы частично компенсировать разрыв, сложившийся между ними (с. 9). Важность поднятой проблемы трудно переоценить. Теоретическая новизна и самобытность сами по себе не гарантируют успех научного построения – необходимо, чтобы оно было доведено до сообщества ученых в соответствующей форме. Между тем, попадая за рубеж, российские языковеды – специалисты в своих областях – в последние годы зачастую не понимают ни постановки проблем, ни метаязыка изложения. Это тем более обидно, что многие постулаты модных доктрин нельзя назвать совершенно новыми. Если апологеты данных доктрин иной раз сами стремятся определить свое отношение к традиции (ср. рассуждения Н. Хомского об отличии его теории от структурализма [Chomsky, Lasnik 1993: 517]²), то их молодые коллеги этого обычно уже не делают. Поэтому задачу, поставленную авторами обсуждаемой книги, – активизировать диалог между отечественными и зарубежными учеными – лучше решать прямо сейчас, пока на западе окончательно не возобладало поколение, для которого отсчет лингвистической мысли идет с Н. Хомского и Т. Веннемана.

Обилие авторов, представляющих разные, порой конфликтующие, точки зрения, не приводит к разногласию: концепция книги и ее композиция хорошо продумана, авторы стремятся свести повторы и общие места к минимуму, при необходимости в основной текст включены отсылки к другим главам. В связи с этим нужно отметить большую подготовительную работу редколлегии (А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина). Книга снабжена предметным указателем и указателем языков (составлены Н.В. Исакадзе), в конце даны краткие сведения об авторах.

Значение многих глав выходит за рамки реферативных материалов: в особенности это относится к главам "Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике" (К.И. Казенин, Я.Г. Тестелец) и "Функционализм" (А.А. Кибрик, В.А. Плунгян), содержащих ряд оригинальных идей и теоретических обобщений. Данные главы, посвященные концептуальным основам двух господствующих не только в США, но и во всем мире, научных парадигм – генеративизма и функционализма – можно считать кульминацией всей книги. Бросается в глаза, что большая часть разделов книги отведена синтаксису: методы и принципы синтаксического анализа обсуждаются в четырех первых главах книги, а также в публикуемой в приложении статье американского слависта Дж. Фаулера "Грамматическая релевантность актуального членения". Различные проблемы синтаксической теории в неравном объеме затрагиваются и в других главах, поэтому легче указать разделы, где синтаксис не упоминается вовсе, – это очерк о генеративной фонологии, написанный Е. Зубрицкой и очерк "Семантика в когнитивной лингвистике" (автор А. Ченки). Авторы книги предпочли разбить ее на три части: в первых двух рассматриваются различные приложения порождающей грамматики, в третьей – негенеративные (функциональные и когнитивные) концепции. Упомянутая выше работа Дж. Фаулера по своей ориентации примыкает к первой части, которая открывается главами Дж. Бейлина "Краткая история генеративной грамматики" и К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца "Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике". Хотя объект рассмотрения – эволюция доктрины Хомского – в данных главах общий, они не повторяют, а скорее дополняют друг друга. Очерк Дж. Бейлина носит информативный характер; автор поясняет логику изменения доктрины Хомского в период между "Синтаксическими структурами" (1957 г.) и "Минималистской программой" (1995 г.)

² Ссылки на традиции европейского структурализма характерны и для корректного стиля авторов обсуждаемой книги, ср. замечания Е. Зубрицкой (с. 168) и А. Ченки (с. 344).

Читателю предлагаются дефиниции ключевых терминов, кратко описываются основные модули Универсальной Грамматики Хомского в версиях 1980–1990 гг. – X-штрих теория (X-bar theory), Теория перемещения (α -movement), Теория управления (Government theory), Теория падежа (Case theory), Тета-теория (θ -theory) и Теория Связывания (Binding theory). Если статья Дж. Бейлина чужда полемики и адресована скорее начинающим, то статья К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца носит дискуссионный характер и обращена прежде всего к читателю, интересующемуся типологией линейных отношений и ищущему оптимальный способ их описания. Слово "типология" не случайно вынесено в подзаголовок одного из подразделов данной главы (единственный раз во всей книге!), так как основной объект внимания К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца – адаптация принципов универсальной грамматики к языкам мира и создание объяснительной теории синтаксических ограничений (Bounding Theory). Авторы подробно рассматривают виды инверсий (в терминах излагаемой теории "перемещения лексических категорий") и разновидности анафорического повтора³, подчеркивая новизну идей, выдвинутых генеративистами в данных областях. Более узкий объект изучения у авторов двух следующих глав. Н. Кондрашова излагает точку зрения генеративного синтаксиса на языки со свободным (нефиксированным) порядком слов. Программа, из которой исходит Н. Кондрашова (так называемая теория скрэмблинга) является частичной альтернативой классической теории инверсии как перемещения лексических категорий, которая обсуждается в главах, написанных Дж. Бейлиным, К.И. Казениным и Я.Г. Тестельцом. Поскольку русский язык не имеет фиксированного порядка слов, статья Н. Кондрашовой может заинтересовать читателя-русиста: статья завершается попыткой формализовать представление о том, что категории актуального членения – явления супрасинтаксического яруса, наслаивающиеся на собственно синтаксическое членение предложения⁴. Вместе с тем, решение, предлагаемое Н. Кондрашовой, не является единственно возможным: тему и рему можно трактовать не только как компоненты семантической структуры высказывания, но и как формальные составляющие, что успешно доказывает на материале русского языка Дж. Фаулер, статья которого публикуется в Приложении⁵. Глава, написанная Н.В. Исакадзе и И.М. Кобозевой, посвящена проблемам морфосинтаксиса. В ней показано, какие возможности для анализа русского падежа и вида открывает введение в схему предложения узлов так называемых функциональных категорий, при этом вершины последних трактуются как собственные позиции Вида, Падежа, Согласования и прочих нелексических категорий. Авторы обстоятельно реферируют недавние славистические работы Л. Бэбби и С. Фрэнкса⁶.

Статьи во второй части книги посвящены специальным приложениям генеративной грамматики. При этом полного внутреннего единства между главами нет. Если генеративная семантика (автор обзора Р. Изворска) и, особенно, генеративная фонология (автор обзора Е. Зубрицкая) представляют собой автономные области исследования, имеющие минимальные пересечения с синтаксической доктриной Хомского и предполагающие значительную специализацию ученых – большинство генеративных фонологов не занимается синтаксисом и наоборот – то теория усвоения языка (автор обзора С. Аврутин) и психолингвистика (автор обзора И. Секерина) – прикладные теории,

³ В статье К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца анализируются формальные аспекты анафорических отношений. Логико-семантические аспекты анафоры обсуждаются в главе "Формальная семантика", написанной Р. Изворской.

⁴ "...перемещение, называемое скрэмблингом, напрямую взаимодействует со структурой фокуса в предложении, и по-видимому, мотивируется принципами, относящимися к строению специального уровня FF (функциональной формы), на котором и формируется фокус" (с. 139).

⁵ Статья Дж. Фаулера впервые опубликована на английском языке в 1987 г. Русская версия подготовлена специально для обсуждаемого издания.

⁶ Имена данных для лингвистов хорошо известны нашему читателю; заметим, что ни того, ни другого нельзя причислить к наиболее ортодоксальным хомскианцам.

призванные объяснить, как происходит обработка информации и распознавание слов и синтаксических структур и как действуют механизмы, обеспечивающие усвоение словарной и грамматической информации детьми. Тем самым, несмотря на свой специализированный характер (ср. тематические подборки из журналов "Behavioral and brain sciences", "Journal of psycholinguistic research", "Journal of memory and language" в списках литературы, приводимых И. Секериной и С. Аврутиным в соответствующих главах), генеративная психолингвистика и теория усвоения языка не являются замкнутыми по отношению к грамматике Хомского: напротив, между ними имеет место интенсивный обмен идеями. Для многих теоретиков механизмы распознавания предложения служат аргументом, подтверждающим онтологическую реальность постулированной структуры. Довод подобного рода выдвигается и против ранних версий доктрины Хомского (Standard Theory), где грамматика любого конкретного языка выстраивалась в виде списка лингвоспецифичных трансформаций, применяемых в строго заданной последовательности. Такой способ описания, как указывает в обсуждаемой книге Дж. Бейлин, оставляет без ответа вопрос о том, как усваивается родной язык, поскольку распознающее устройство оказывается неоправданно сложным, и главное, невыводимым из принципов Универсальной Грамматики (с. 24). На новом этапе перед американскими психолингвистами ставится задача дать такую интерпретацию распознающих устройств, которая не только допускает легкую формализацию, но и претендует на эмпирическую адекватность. Сопоставление языков с разными синтаксическими параметрами и работа с информантами в ряде случаев позволяет проверять гипотезы о восприятии непроективных конструкций (с. 249–250), параметра нулевых подлежащих (с. 269), сужении или расширении сферы действия рефлексивизатора (с. 270). Вместе с тем, степень приближения к языковой интуиции не стоит переоценивать. Судя по изложению И. Секериной и С. Аврутина, главным стимулом совершенствования универсалистских моделей обработки и усвоения информации остается не воссоздание когнитивной реальности, а устранение контринтуитивных следствий прежних интерпретаций.

Третья, заключительная, часть книги отведена обзору функциональных и когнитивных концепций. Авторы главы "Функционализм" А.А. Кибрик и В.А. Плунгян с основанием отмечают, что несмотря на явное преобладание формальной грамматики в США игнорировать меньшинство, объясняющее языковую форму ее функциями, было бы неверно, так как "основное разнообразие американской лингвистики приходится как раз на ее меньшую часть – функционализм" (с. 276). Такое положение едва ли удивительно, поскольку, как указано в данной главе, за ярлыком "функционализм" стоит не столько устоявшаяся научная школа, сколько индивидуальные искания тех ученых, которые отвергают чисто формальные объяснения в грамматике (с. 279). Собственные интересы данных ученых, как видно из очерка, лежат в разных областях – морфологической (Дж. Николс, Дж. Байби) и синтаксической типологии (Дж. Хокинс, Т. Гивон, М. Драер), типологии предикатно-аргументных отношений (Р.Д. Ван Валин), структуре дискурса (У. Чейф, С. Томпсон). Как подчеркивают А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, американские функционалисты редко выдвигают глобальные концепции языка. Главное исключение составляет Референциально-Релевая Грамматика, пропагандируемая Р.Д. Ван Валином и его сторонниками; данная теория подробно освещена в очерке (с. 283–293). О соотношении формальных и функциональных объяснений в книге можно найти две полярные точки зрения. Одну из них с позиций генеративистов озвучивает Дж. Бейлин: форма языка автономна, языковая компетенция (competence) существует независимо от языковой деятельности (performance), т.е. отдельных употреблений языковых форм в конкретных случаях. Поэтому генеративная грамматика как теория "компетенции" и функциональная лингвистика как теория "деятельности" не исключают, а дополняют друг друга (с. 15). С другой стороны, А.А. Кибрик⁷ полагает, что функционализм – не довесок к формальной

⁷ Цитируемый раздел главы 9 принадлежит А.А. Кибрику.

лингвистике, а ее конкурент; объект изучения у них общий, поэтому перспектива "мирного сосуществования" двух данных научных парадигм маловероятна (с. 330). Эта оценка подкрепляется, в частности, тем, что ученые, стремящиеся примирить формалистов и функционалистов, становятся все более маргинальной группой и дружно преследуются как эклектики обеими сторонами. Читатель обсуждаемой книги вправе решить сам, какая из оценок ближе к истине. Отметим, что "образ врага" (грамматики Хомского) с завидным постоянством всплывает в каждой из трех глав последнего раздела книги (с. 279, 309, 346, 366, 386), в то время в восьми главах, написанных генеративистами, полемика с функционализмом отсутствует вовсе – мишенью для критики оказываются другие формальные теории, например, Генеративная семантика и Модель "Смысл ↔ Текст", ср. (с. 26, 72). Трудно отделаться от впечатления, что здесь проявляется свойство, которому многие функционалисты придают фундаментальное значение, а именно "иконизм", т.е. неслучайное соответствие между формой и функцией (в данном случае, между объектом изучения – грамматическими концепциями и метаязыком реферативных материалов). К сожалению, дискуссионная проблематика иконичности знака, заданная классическими работами Ч.С. Пирса и У. Морриса и вновь введенная в оборот благодаря Дж. Хэйману и Дж. Дю Буа, лишь вскользь упомянута в обсуждаемой книге (с. 282, 344). Между тем, современные функционалисты, прибегающие к модному термину "иконичность", часто не поясняют, какие языковые объекты они имеют в виду – элементарные знаки или фигуры из языковых знаков, синтагматические или парадигматические сущности, форму языка как таковую или стратегии обработки информации. Даже в такой, казалось бы близкой к внеязыковой действительности области анализа как порядок слов, исследователь то и дело сталкивается с формальными ограничениями, ставящими под сомнение прямую мотивированность порядка слов параметрами денотативной ситуации. Ввиду этого избобилуется, например, в программных сборниках функционалистов [IS 1985; WOD 1995]⁸ утверждения об иконичности порядка слов в некотором языке вообще или иконичности тех или иных линейных преобразований, например, выноса глагола или дополнения в начало фразы, помещения клитик в спад фразы и т.п., зачастую выглядят легковесными, особенно применительно к экзотическим и мертвым языкам, где подобные утверждения заведомо не могут быть верифицированы обращением к языковой интуиции. Делая данное замечание, автор статьи отдает себе отчет в том, что разбор относящихся сюда проблем потребовал бы значительно более пространный изложения, возможно, добавления дополнительного раздела. Большинство теорий, описываемых А.А. Кибриком и В.А. Плунгяном в данной главе, активно развиваются. Следует особо выделить линию диахронической типологии, воссозданную благодаря работам Дж. Николс и Дж. Байби. При этом у исследователей разных подходов к проблеме, хотя они обе выходят за рамки сравнительно-исторической реконструкции и в той или иной мере объединяют синхронно-типологическую классификацию грамматических категорий с эволюционными импликациями. Дж. Николс пытается восстановить естественный ход языкового развития за последние 100 000 лет (!) с опорой на понятие "ареальной стабильности"; под последней понимается сохранение общих черт грамматического строя внутри языкового союза независимо от генетического родства между языками. В качестве параметров берутся а) ролевое оформление; б) морфологическая сложность; в) вершинное/зависимое маркирование; г) порядок слов; д) повышение/понижение переходности; е) наличие инклюзива/эксклюзива; ж) наличие неотторжимой принадлежности; и) наличие именных классов (с. 299). Дж. Байби идет от семантики к форме и ищет повторяющиеся механизмы грамматикализации лексических категорий. Многие тезисы Байби – о наличии переходной зоны между словоизменением и словообразованием, отсутствии резкой грани между грамматикой и словарем, системной мотивированности морфологически редких явле-

⁸ Полные выходные данные обоих сборников приводятся в библиографии к главе "Функционализм". См. также список литературы ниже.

ний – выглядят в изложении В.А. Плунгяна⁹ поразительно созвучными идеям, разработавшимся в отечественной лингвистике.

Последние две главы посвящены так называемому когнитивному подходу к языку, при котором исследователь заранее декларирует, что для него язык не является самодостаточным объектом изучения и берет на себя обязательство (cognitive commitment) "согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как других дисциплин, так и [из лингвистики]" (с. 340¹⁰). При междисциплинарном подходе классические объяснения структуральной лингвистики недостаточны; нужны объяснения и методы нового типа, разработкой которых заняты теоретики направления – М. Джонсон, Л. Талми, Дж. Лакофф, Р. Лангакер. Пожалуй к когнитивным теориям в большей степени, чем к функциональным, приложимо представление Дж. Бейлина о взаимодополнительности генеративной и негенеративной лингвистики. Правда, расхожее мнение о когнитивной лингвистике состоит в том, что это не лингвистика вообще, но это передежка: многие из рассматриваемых авторами обзоров А. Ченки и Е.В. Рахилиной идей о структуре значения, культурных концептах, проблеме инварианта и семантических прототипах имеют весьма давнюю традицию в лингвистике, правда, как остроумно замечает А. Ченки, не в американской (с. 344). А. Ченки начинает разбор с классической теории категоризации, созданной Аристотелем и властвующей над языкознанием в течение большей части XX в. Главной мишенью критики являются представления о бинарности признаков, о четких границах категорий, функционально-истинностный подход к значению высказывания и принцип композициональности значения сложного выражения. В качестве альтернативы выдвигается теория значения, воплощенного (embodied) в семантических концептах или в так называемых образных схемах (image schema): последнее понятие определяется М. Джонсоном как "повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту". Отражение образных схем в языке составляет объект когнитивной семантики, что требует разработки нового метаязыка. Один из его вариантов предлагает теория Р. Лэнгакера, где в качестве элементарных берутся пространственные понятия: ключевую роль играет понятие выпуклости (salience) или рабочего участка, на базе которого формируется концепт и понятие когнитивной области, в рамках которой данный концепт существует, так концепт **гипотенуза** является выпуклым элементом (= "профилем") концептуальной области **прямоугольный треугольник**. В формат толкования входит также оппозиция подвижного элемента или "траектора" и неподвижного элемента или "ориентира"; понятия перспективы и субъекта-наблюдателя производны от выше названных. Может встать вопрос, чем русский концепт "**гипотенуза**" или "**идти**" отличается от соответствующего английского. Когнитивисты усматривают специфику языка в том, что он "просцирует" мир; варьировать могут механизмы преобразования сложных образных схем, в том числе, устроенные по принципу метафоры. По такой логике, метафора *Любовь – это игра в бейсбол* (с. 355), вероятно, диагностирует не только американские и русские, но и американские и английские концепты любви (бейсбол относится к популярным видам спорта в США, но не в Европе). Примерно тот же круг работ и идей освещается в главе, написанной Е.В. Рахилиной; автор очерка кратко обсуждает также проблемы прототипов, полисемии и упоминает так называемую грамматику конструкций Ч. Филмора, отвергающую постулат Г. Фреге о композициональности языкового значения. Тон обеих глав доброжелателен и вместе с тем, полемичен, авторы явно стремятся к диалогу с читателем. В порядке дискуссии можно заметить, что тотальное оттачивание от багажа докогнитивной семантики не везде продуктивно. Вполне понятно, что пионеры концептуального анализа должны были отстаивать наличие категориальных значений, не имеющих жесткой бинарной структуры. Но непонятно, почему

⁹ Автором цитируемого раздела главы "Функционализм" является В.А. Плунгян.

¹⁰ А. Ченки цитирует в данном месте работу Дж. Лакоффа.

выделение лексического концепта ИДТИ или когнитивной схемы ЛЮБОВЬ заставляет делать глобальные утверждения о том, что все виды значений в языке устроены одинаково и что бинарных категорий вообще нет. Неясно также, почему выделение концептов несовместимо с функционально-истинностной оценкой высказывания. Несомненно, что при помощи методов логического анализа нельзя исчерпать всю информацию, заложенную, например, в высказывании *Если он узнает, что вечером придет Катя, он уйдет в кино, потому что не любит принимать гостей*; можно считать пропозициональную форму (Logical Form) лишь одним из уровней репрезентации предложения, как это принято в генеративных исследованиях, ср. обзор Р. Изворской в настоящей книге (с. 208). Однако невероятно, чтобы логическая форма приведенного выше выражения, будем ли мы анализировать его как фрагмент дискурса, или как манифестацию грамматического шаблона сложноподчиненного предложения, была внеположна его значению. Более того, по отношению к данному выражению нет видимых оснований отвергать принцип композициональности, так как логическая форма целого выводится из логической формы образующих его пропозиций при помощи простых правил. Попутно напомним, что функционально-истинностный подход не обязательно предполагает бинарную оценку: во второй половине XX в. во всем мире, в том числе в США, успешно разрабатывают многозначные логики (Г.Х. Фон Вригт, С. Крипке, Р. Монтегю, Я. Хинтиikka), позволяющие формализовать значительно большее число языковых явлений, чем это было возможно в рамках стандартной двузначной логики¹¹. В то же время для многих задач, обсуждаемых в обзорах А. Ченки и Е.В. Рахилиной, двузначной логики вполне достаточно, в то время как применение более мощных математических средств лишь затемняет картину. Это признает и сама Е.В. Рахилина в разделе, посвященном проблеме прототипов. Со ссылкой на А. Вежбицкую и Р. Джэкендоффа автор пишет, что статистический подход к определению прототипических значений неприемлем. Хотя родовые категории, например, предметное значение "ПТИЦА", предполагают наличие признаков, позволяющих установить, может ли референт того или иного выражения быть признан птицей или нет, нельзя сказать, что сокол или пингвин квалифицируются языковым сознанием как птицы, в силу того, что они удовлетворяют 98% или 70% признакам родовой категории – "пингвин не является на 71% птицей, а на остальные 29% чем-то еще. Он просто птица, несмотря на свою периферийность и нетипичность" (с. 374). Такой подход равносителен гипотезе о том, что правила категоризации опираются не на полноту выборки признаков, а на **знание** о том, что высказывание *Пингвин – птица* истинно. Тем самым, двузначная логика и представление о жестких границах категорий здесь к месту.

Авторы большинства глав делают типологические обобщения и иллюстрируют реферируемые теории примерами из разных языков (полный список дан в Приложении); лишь в когнитивных главах все примеры взяты из английского языка. Впрочем, отсутствие обзора о лингвоспецифичных концептах в языках мира не фатально, так как данное направление исследований активно практикуется в нашей стране в последние десятилетия¹² и не является для русского читателя новым. Формат изложения реферируемых теорий не везде дает повод обсудить их подробно, поэтому остановимся лишь на нескольких дискуссионных идеях в области синтаксиса и фонологии. Поскольку автор сам не является адептом какой-либо из доктрин, освещаемых в книге, ниже следующие соображения следует расценивать как взгляд лингвиста-практика, а не как апологию или разнос.

¹¹ К данной группе явлений относятся, в частности, иллюкутивные и коммуникативные характеристики речевых актов и речевых действий, индексальные выражения, пресуппозиции и модальности. Ср.: [СМИЛ 1981; Степанов 1985: 242–257; Арутюнова, Падучева 1985: 32].

¹² См., прежде всего, коллективные монографии серии "Логический анализ языка", выходящей под общей редакцией Н.Д. Арутюновой.

Уместно начать с проблематики порядка слов, поскольку, как представляется, именно в этой области в 1970–90 гг. был достигнут прорыв. Классический подход к антиномии структурного и линейного порядка предполагает существование функции, переводящей иерархическое представление предложения (дерево зависимостей или дерево составляющих) в линейную последовательность. В "Аспектах теории синтаксиса" Н. Хомского иерархическое представление предложения отождествлялось с его семантической интерпретацией – Глубинной Структурой, а линейное представление – с Поверхностной Структурой, которая получается из Глубинной путем циклического применения формальных операций [Хомский 1972: 20]. При такой постановке вопроса правила порядка слов играют роль фильтра, отсеивающего цепочки словоформ, не встречающиеся в языке L. Очевидно, что если не ввести в описание языка L перечень присущих ему синтаксических конструкций (конфигураций), правила порядка слов сведутся к чистой комбинаторике; при этом вопрос о допустимости тех или иных цепочек придется решать для каждого высказывания языка L отдельно. Такой итог для грамматической теории плачевен. Поэтому в Стандартной Теории Хомского сведения о синтаксической конфигурации включают в себя сведения о порядке ее развертывания. Тем самым, Хомский был вынужден трактовать разные линейные расположения элементов как разные конструкции, ср. правило, сдвигающее в английском языке косвенное дополнение вправо *John wrote for us a new play* → *John wrote a new play for us*¹⁵. На основе иерархии линейных порядков строится иерархия конструкций языка L – контекст введения данной трансформации образует некоторая другая конструкция и линейный порядок, которые, в свой черед, должны быть введены трансформационным правилом¹⁴. Подход, при котором парадигматика языка представлена в виде иерархии (алгоритмизованного списка) контекстно-зависимых правил, имеет плюсы и минусы. Неудачно то, что иерархия конструкций разрушается при изменении порядка применения трансформаций: "ранг", т.е. порядковый номер трансформаций пассива, вставки косвенного дополнения и т.д. невыводим из принципов общей грамматики.

Первичной реакцией отечественных лингвистов на Стандартную Теорию Хомского было неприятие постулата о том, что каждая конструкция характеризуется единственным порядком элементов и стремление отделить механизмы, выстраивающие дерево составляющих, от правил линеаризации [Гладкий, Мельчук 1969: 110]. Это заявка была реализована в модели "Смысл ⇔ Текст", где на одной из начальных стадий порождения вводятся неупорядоченные деревья [Мельчук 1974: 270]¹⁵. С другой стороны, сложилось убеждение, что язык Глубинных Структур, в том виде, в котором он был предложен Хомским, плох как инструмент семантической интерпретации; поиски нового метаязыка привели к выделению семантики в самостоятельную область исследования, в значительной степени автономную от синтаксиса. Поскольку новый взгляд на проблему грамматического значения и на компетенцию семантики мог быть формализован лишь в рамках глобальной теории, несовместимой с исходными принципами Хомского, синтаксическая доктрина Хомского была попросту отброшена и расценена как пройденный этап лингвистической мысли не только отечественными лингвистами-традиционалистами, и но и "формалистами". Как нам видится, в конце 60-х гг. оба обвинения в адрес Хомского – в недостаточности Глубинных Структур как единственной интерпретирующей системы и в ущербности

¹⁵ Эмпирические основания для постулирования трансформации в указанном направлении обсуждаются Б. Парти [Partee 1979: 56].

¹⁴ По меткому замечанию Е.В. Падучевой, в грамматике подобного типа трансформация пассива [и любая трансформация вообще. – А.Ц.] и есть способ введения конструкции пассива в описание языка L [Падучева 1974: 12].

¹⁵ Близкие идеи значительно ранее выдвигались европейскими структуралистами (Э. Драш, Ж. Фуркэ, П. Дидериксен), которые предлагали различать "реляционную" и "позиционную" структуру предложения и для исчисления последней вводили пустые клетки. Превосходный обзор концепций подобного рода дает С.Н. Кузнецов: [Кузнецов 1984: 66–77].

процедуры исчисления парадигматики на основе контекстуально-зависимых правил – были большей частью справедливы. Вместе с тем, снисходительное отношение к доктрине Хомского в нашей науке – и здесь мы солидаризируемся с К.И. Казениным и Я.Г. Тестельцом (с. 72) – сыграло отрицательную роль и не позволило отечественным ученым уловить решительный поворот в идеях западных генеративистов: вместо строгой последовательности лингвоспецифичных правил были сформулированы универсальные ограничения на применение единственной (!) трансформации – передвижения элемента из позиции, где он порождается, в некоторую другую позицию (так называемый α -move). Элиминация контекстуально-зависимых правил равнозначна устранению понятия конструкции из инвентаря грамматики, что подчеркивают Н. Хомский и Г. Лэсник, ретроспективно оценивая эволюцию генеративизма [Chomsky, Lasnik 1995: 512]. Можно спорить, является ли это безусловным плюсом с точки зрения философии языка (соблюдение/несоблюдение принципа композициональности значения), как это делает Е.В. Рахилина в другой главе обсуждавшейся выше книги (с. 386)¹⁶, но несомненно, что данное решение создало новую область исследования – формальную теорию синтаксических ограничений, где в качестве интерфейса выступают линейные отношения (предшествование, смежность, анафора и т.д.), проясняющие связи элементов по вертикали. Тем самым, генеративная грамматика парадоксальным образом повернулась лицом к проблемам, которые раньше было принято относить к поверхностному синтаксису. Этапы дискуссии, приведшей к данному итогу, увлекательно освещаются Дж. Бейлиным, К.И. Казениным и Я.Г. Тестельцом в первых двух главах обсуждавшейся выше книги. Подчеркнем лишь технически важные моменты:

1) Сохранение постулата о фиксированном порядке элементов. Мысль о том, что словоформы кодируют в предложении те или иные классы слов, лексические категории, не нова; вместе с тем, при отказе от понятия конструкции, роль постулата о фиксированном порядке категорий предложения возрастает, поскольку оказывается возможным определить собственное место той или иной категории в парадигматике безотносительно к наличному составу высказывания.

2) Постулат о сохранении структуры: принимается, что трансформации не создают позиций, а лишь заполняют их.

3) Теория следов: принимается, что при перемещении элемента (категории) по дереву составляющих в исходной позиции остается нулевая категория. Тем самым, можно трактовать перемещение элемента как бинарное отношение между двумя входящими элемента в начальную и конечную позицию (α , t), где α – произвольная синтаксическая категория, а t (trace) – "след" ее пребывания в исходной позиции¹⁷.

4) Принимается постулат Р. Фиенго о том, что перемещение возможно лишь по дереву составляющих вверх, т.е. справа налево. Тем самым, постулируется сходство между следами линейных преобразований и анафорическими местоимениями, так как след всегда стоит правее своего антецедента.

Универсальная грамматика состоит из принципов-ограничений (conditions, constraints), формулировка которых должна не только отвечать дедуктивным критериям, но и пройти проверку на адекватность. Для этого нужно, чтобы принципы-ограничения, во-первых, блокировали неправильно построенные структуры, во-вторых, пропускали все правильно построенные структуры. Эта задача оказалась непростой: как показывают К.И. Казенин и Я.Г. Тестелец, для ее решения пришлось пойти на серьезное усложнение первоначального аппарата – ввести различие аргументных и неаргу-

¹⁶ В цитированном месте Е.В. Рахилина обсуждает так называемую грамматику конструкций Ч. Филлмора, подчеркивая ее преимущества по сравнению с традиционными подходами в грамматике.

¹⁷ Математически след интерпретируется как связанная переменная, а α – как оператор, ее связывающий. Лингвистически след интерпретируется как нулевая словоформа с некоторыми свойствами анафорического местоимения, а α – как антецедент данной словоформы.

ментных позиций, ввести представление о блокирующих узлах (барьерах), допустить перемещения, не имеющие внешнего выражения и т.д. С одной стороны, эти добавления снижают объяснительную силу теории, с другой – расширяют ее эмпирическую базу и позволяют адаптировать ряд понятий традиционной лингвистики. Среди важных результатов нужно выделить формализацию понятия инверсии и учение о нулевых категориях. Упомянутая выше теория следов Р. Фиенго эксплицитно реализует идею о том, что при линейных преобразованиях $XY \rightarrow YX$ перемещается лишь один, "активный", элемент X , в то время как место Y -а относительно границ фразы меняется лишь в силу перемещения X -а. Такой подход имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным пониманием инверсии как одновременной замены одной последовательности словоформ (XYZ) другой последовательностью ($ZXY, XZY...$) и основанным на данном понимании терминологическим различием между "прямым" и "обратным" порядками. Так, образование общих вопросов в германских языках разумно, вопреки школьной грамматике, описывать не как операцию перестановки подлежащего и сказуемого ($SV \rightarrow VS$), а как операцию выноса глагола в начало фразы ($\#... V \rightarrow \#V...$) – место подлежащего само по себе константой преобразования не является. В тех языках, где финитный глагол в утвердительном предложении занимает второе место, это очевидно непосредственно: так, в немецком языке вопрос *#Kam er gestern?* в равной мере относится к предложению с препозитивным подлежащим *#Er kam gestern* и к предложению с постпозитивным подлежащим *#Gestern kam er*. Некоторые апологеты функционализма и когнитивизма поспешили отнести теорию следов и применение нулевых категорий к числу запрещенных приемов, ср. мнение А. Ченки в обсуждавшейся выше книге (с. 366). И зря. Функциональному подходу соответствует представление о том, что свое означаемое имеют не только единицы, но и операции. Перемещение активного элемента бинарной группы (в нашем примере – финитного глагола) есть операция, имеющая свое означаемое, в иных терминах – цель, изменение местоположения пассивного элемента (в нашем примере – подлежащего) своего означаемого не имеет¹⁸. Автор менее всего склонен призывать к механическому соединению функциональных и формальных объяснений. Смысл приведенной иллюстрации в том, что эвристическую ценность моделей полезно оценивать независимо от аксиоматических допущений тех теорий, в рамках которых они были выдвинуты. Что касается следов, то одно из преимуществ их введения состоит в том, что они формализуют представление о векторности, асимметричности, линейных преобразований, что является шагом вперед по сравнению с концепциями европейских структуралистов, где в схему описания вводились пустые клетки (эквивалент хомскианского постулата о сохранении структуры), но обходилась вопрос о сущностях, которые их заполняют.

Распространение на нулевые элементы различия анафорических и дейктических местоимений позволило выделить внутри рубрики Пустая Категория (Empty Category, *e*) четыре разных синтаксических сущности.

Комбинации признаков [+ анафора, + местоимение¹⁹] соответствует нулевой субъект вставленной предикации в высказываниях с формой активного залога: *John_i expected [e_i to hurt himself]*, ср. *John_i expected [Bill_j to hurt himself]*. Для данного класса элементов используется нотация PRO. Традиционная грамматика говорит в этом случае об эллипсисе или об устранении кореферентной составляющей в позиции повторной номинации.

Обратной комбинации признаков – [–анафора, –местоимение] соответствует след ИГ, устранимой в позиции повторной номинации. На английском материале данный

¹⁸ Принципиально разным в данной модели инверсии является и способ задания состояния. Координаты активного элемента X определяются относительно Y -а (слева/справа), в то время как координаты Y -а определяются не только по отношению к левому и правому вхождению X -а, но и отношению к некоторым Z, U , упорядоченным по отношению к X -у.

¹⁹ Редакторы книги обзоров предпочли передать термины для данных признаков калками "анафор" и "прономинал".

класс нулевых элементов иллюстрируется, главным образом, пассивными высказываниями: *John_i was expected [e to hurt himself]*. Главное отличие от предыдущего класса состоит в том, что ИГ *John* не "контролирует" свой след в том смысле, что она не является семантическим субъектом глагола *be expected*, и "наследует" роль подлежащего лишь по кореферентности опущенному субъекту глагола *hurt* из вставленной предикации [Chomsky, Lasnik 1991: 519]. Аналогично анализируется пара примеров *Your friends_i hoped [PRO_i to finish the meeting happy]* "Ваши друзья_i надеялись [PRO_i закончить прием удачно]" vs. *Your friends seemed [t to finish the meeting happy]* "Ваши друзья, казалось, закончат прием удачно", букв. "Ваши друзья казались [t закончить прием удачно]". В первом случае подлежащее *Your friends* "Ваши друзья" является семантическим субъектом глагола *hope* "надеяться", а нулевой элемент (PRO) – семантическим субъектом глагола *finish* "заканчивать"; тем самым нулевой элемент контролируется ИГ *Your friends*. Во втором случае глагол *seem* "казаться" не приписывает никакой семантической роли своему подлежащему, значит, нулевой элемент не контролируется, т.е. является следом.

Традиционная грамматика не разграничивает контролируемые и неконтролируемые нулевые элементы в позиции повторной номинации. Обращает на себя внимание, что векторность синтаксических связей диагностируется в поздних версиях генеративной грамматики при помощи не только синтаксических, но и семантических критериев. Тезис о том, что неопределенно-личные подлежащие типа англ. *one*, нем. *man*, фр. *on* составляют поверхностные аналоги PRO [Chomsky, Lasnik 1993: 521], остается спорным. Сам же принцип единообразно описывать внешне выраженные и нулевые элементы перспективен.

Комбинации признаков [– анафора, + местоимение] соответствует **нулевое местоимение** (*pro*). Класс *pro* обобщает случаи опущения неанафорического субъекта. Языки относятся либо к типу *pro-drop*, если они допускают *pro*, либо к типу *non pro-drop*, если они требуют заполнения позиции субъекта в неанафорических контекстах. Английский язык принадлежит к типу *non pro-drop*, высказывания типа *The people that _{pro_i} taught admired John_i*; "Люди, которых *pro_i* учил, обожали Джона_i," неграмматичны. Русский, итальянский, исландский относятся к типу *pro-drop*. Нулевые местоимения не являются контролируемыми элементами и в этом смысле близки к следам [Chomsky, Lasnik 1993: 518], [Franks 1995: 288].

Выделение *pro* является формализацией идей, широко обсуждавшихся в рамках традиционной грамматики в начале XX в., ср. тезис Г. Пауля о двусоставности любого предложения и поиске структурных эквивалентов "безличного *es*" в древних индоевропейских языках [Brugmann 1917], [Канцельсон 1936]. Недостатком теории Хомского является то, что она не рассматривает эксплетивные местоимения типа англ. *it*, нем. *es* как поверхностные аналоги, *pro*, ср. [Chomsky, Lasnik 1993: 523, 539] и уклоняется от изучения связи между эллипсисом и элиминацией субъекта: остается необъясненной возможность порождения безличных высказываний типа др.-исл. *sá skip_j*-вин.п. "корабля_j – вин.п. не было видно" букв. "*pro_i*; не увидел корабль_j". В работах европейских генеративистов этот пробел частично восполнен, ср. формулировку параметра "нулевого субъекта" у Кр. Платцака [Platzack 1987], учитывающую как отсутствие эксплетивного местоимения, так и факультативность субъектной составляющей²⁰. Кроме того, первоначальная формулировка Хомского неприемлема в том отношении, что она ограничивает дистрибуцию *pro* позицией подлежащего и игнорирует наличие нулевых дополнений – ср. [Rögnvaldsson 1990: 374].

Наконец, четвертая комбинация признаков [– анафора, – местоимение] соответствует упомянутым следам **линейного перемещения** элементов (place holders), ср. *Whoi*

²⁰ Мнение И.А. Мельчука о том, что понятие нулевого субъекта у хомскианцев не имеет ничего общего с его теорией нулевой лексемы [Мельчук 1995: 204] заслуживает специального разбора, а его утверждение, будто "нулевой субъект у генеративистов никоим образом не является особой лексемой со своими ... собственными синтаксическими свойствами" [Мельчук 1995: 204], неадекватно.

did he say [that Bill saw t_i] букв. "Кого_i он сказал, [что видел Билла t_i]". Как указывалось выше, след выступает в роли логической переменной, а его антецедент *Who_i* играет роль операторного слова. Место следа определяется однозначно, ср. неграмматичное предложение с тем же набором позиций в другом порядке: *Who did he say [that t_i saw Bill]* букв. "Кто он сказал, [что t_i Билл видел]".

Следы перемещений в подобных примерах повторяют свойства тех элементов предложения (имен, глаголов и т.п.), которых они замещают, и в этом плане противостоят другим нулевым сущностям, которые близки по свойствам к местоимениям; тем самым, аналогия между местоимениями и следами перемещения в формализме Хомского не является полной. В поздних версиях правила употребления местоимений задаются постулатами Теории Связывания, а правила перемещения – Принципом Пустой Категории (Empty Category Principle), который гласит, что каждый след должен "жестко управляться" своим антецедентом²¹. Тем не менее, граница между двумя группами явлений проходит скорее внутри класса Пустых Категорий, нежели между пустыми и поверхностными элементами, ср. обзор К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца (с. 91).

Введение в описание нулевых категорий ставит типологов-генеративистов перед непростым выбором. Дело в том, что придерживаясь исходной схемы из 4 классов синтаксических нулей, нельзя описать многие релевантные различия между языками. В то же время, если ввести дополнительные признаки (надежная роль, позиция, референтный статус и т.д.) и по мере надобности санкционировать все новые и новые виды нулей, например, "референтный нулевой местоименный субъект", "генерический нулевой местоименный объект", то количество нулей будет рассчитать столь же трудно, как и количество ларингалов, реконструируемых индоевропейцами для того, чтобы закрыть "дыры" в соответствиях, предположительно ведущих к праязыку. Сходная картина с классификацией эксплетивных местоимений, но здесь благоприятным фактором служит то, что эксплетивные лексемы, по-видимому, встречаются в меньшем числе языков, чем нулевые лексемы. Такая практика может отвлечь часть лингвистов от нулевых сущностей в синтаксисе или, по крайней мере, побудить использовать лишь те нулевые категории, которым приписано особое означаемое, например, "мир", "локус", "люди"²². Аналогично, можно подвергать сомнению термин "формальное подлежащее" или доказывать, что англ. *it* в *It rains* и в *It is peculiar that she did not send her contribution* имеет некоторый план содержания. По нашему мнению, подобные шаги уводят в сторону от проблем синтаксической репрезентации, для решения которых нулевые категории были введены. Так, при сопоставлении английского, итальянского и исландского предложений англ. *The nice weather induces e* [PRO to stay ит. *Il bel tempo involgia e a* [PRO restare] исл. **Þetta góða veður hvetur e til* [að PRO stoppa] "Хорошая погода побуждает *e* остаться" можно сколько угодно считать, что у категории, помеченной символом *e*, есть означаемое "ЛЮДИ", но это не помогает понять, почему ИГ с соответствующим значением может быть восстановлена в английском (*The nice weather induces people* [PRO to stay] и итальянском, но не в исландском языке. Введение параметра, дифференцирующего виды нулевых сущностей, позволяет нащупать объяснение: английский и итальянский разрешают опущение генерических объектов, в то время как исландский разрешает лишь нулевые объекты с конкретной референцией²³. Вообще, для анализа большинства грамма-

²¹ Дефиницию понятия жесткого управления (proper government) читатель может найти в обсуждаемой книге в статье Дж. Бейлина (с. 43).

²² Именно по такому пути пошел И.А. Мельчук, который в духе Р. Якобсона анализирует русские предложения *Улицу засыпали песком* и *Улицу засыпало песком* как содержащие нулевые лексемы $\emptyset_{\text{People}}$ и $\emptyset_{\text{Elements}}$ соответственно [Мельчук 1995: 180].

²³ Читателю-структуралисту, который скажет, что эллипсис – факт речи, а не языка, следует напомнить, что к компетенции формальной грамматики относится не сам эллипсис, а правило (или принцип), стирающее непустую категорию XP. Опускание элемента естественно трактовать как формальную операцию $XP \rightarrow \emptyset$, контролируемую некоторыми ненулевыми элементами (словоформами, категориями) YP ($XP \rightarrow \emptyset$).

тических функций, требующих заполнения или незаполнения валентностей предиката, вопрос о наличии у экспликативных слов или у постулируемых нулевых лексем своего означаемого, представляется второстепенным, поскольку ответ на него диктуется скорее аксиоматической конвенцией, чем логикой рассуждения.

Автор далек от мысли, что доктрина Хомского, как и любая другая дедуктивная теория, является отмычкой, разом снимающей все проблемы синтаксиса. Внимание, уделенное выше моделям порядка слов и нулевых категорий, объясняется тем, что они заставляют задуматься над тем, какую альтернативу в данных областях может предложить так называемая традиционная грамматика. Обе модели доказали свою плодотворность и получили типологическую обкатку. Модель инверсии с выделением подвижного элемента (теория α -перемещений) выглядит более фундаментальной. Если учение о нулевых категориях и свойствах нулевых лексем все-таки зависит от избранного способа порождения грамматики с наложением разноуровневых репрезентаций, то теория перемещений в качестве модели линейного синтаксиса не имеет ясной альтернативы: отказ от нее равнозначен отказу от изучения топологии предложений как системного явления. Более того, представляется, что априористские установки Хомского не везде способствуют реализации потенциала новых идей. Данная тема заслуживает специального разбора. Укажем лишь на два момента. Во-первых, аналогия следов перемещения с анафорическими местоимениями неудачна. Запрет на перемещения слева направо означает, что при анализе альтернатив предложений, исходным местом элемента всегда будет признано *более правое* из двух. Это ограничение контринтуитивно и противоречит накопленным фактам. Во-вторых, выбор подвижного элемента часто вызывает нарекания, поскольку он основывается на априорной "иерархии подвижности". Так, по отношению к европейским языкам принимается, что финитный глагол более подвижен, чем его аргументы. Неудивительно, что при таком подходе порой возникают тупиковые ситуации, когда направление преобразования не восстанавливается. Так, в недавней статье [Williams 1998: 198] с грустью констатируется, что учение Хомского дает примерно столько же аргументов выводить порядок место немецкого и нидерландского глагола в главном предложении SVO из порядка SOV и придаточном ($\#...OV... \# \rightarrow \#...VO... \#$), сколько в пользу обратного преобразования $\#...VO... \# \rightarrow \#...OV... \#$. Но отсюда не следует, что нужно тут же отбросить формальный критерий и заменить его функциональным, например, ввести иерархию **главное предложение > придаточное предложение**. Произвольность приносится в описание не метаязыком, а неверным выбором подвижного элемента в бинарной группе OV ~ VO: если признать подвижным элементом в парах типа нем. *Ich diene Euch ja für mein Brot ~ Er sagt, daß er Euch für sein Brot dient* не глагол, а его дополнения, шансов определить вектор трансформации будет больше. Приоритетная задача теории перемещения в описаниях конкретных языков, по нашему убеждению, должна состоять не в доказательстве тех или иных постулатов универсальной грамматики, а в выявлении топологических констант и подвижных элементов. Впрочем, четкое размежевание сопоставительно-типологической и универсалистской линий в хомскианстве на сегодня едва ли возможно.

Перестройка грамматики Хомского повлияла на фонологическую доктрину генеративизма. Резюмируя эволюцию последней в обсуждавшейся выше книге, Е. Зубрицкая пишет, что на смену традиционной линейной фонологии [Chomsky, Halle 1968], описывавшей звуковые изменения в терминах контекстно-зависимых правил²⁴ и сохранявшей многие положения пражского структурализма (фонема как неупорядоченное множество дифференциальных признаков, бинаризм признаков, гипотеза об ограниченном числе признаков в языках мира), пришли теории, ориентированные на "выяс-

²⁴ Детальный разбор монографии Н. Хомского и М. Халле "Звуковой строй английского языка" можно найти в [Кодзасов, Кривнова 1981: 3–80]. Книга С.В. Кодзасова и О.Ф. Кривновой дает также обзор фонологических идей, выдвинутых в американской лингвистике в 1970-е гг.

нение универсальных структурных характеристик фоном и супrasegmentных единиц" (с. 203). В так называемой теории оптимальности (optimality theory) принципы фонологии понимаются как фильтры, исправляющие дефектные просодические структуры. Параллелизм в развитии фонологической и грамматической теории в США не абсолютен, и дело здесь не только в большем числе фонологических школ, ни одна из которых не имеет авторитета, сопоставимого с авторитетом грамматики Хомского, но и в сопротивлении материала. Как видно из очерка Е. Зубрицкой, одной из причин неудовлетворенности линейной фонологией Хомского – Халле было то, что она не обеспечивала перехода от сегментного к суперсегментному уровню. Новые, конфигурационные, модели фонемы как многоярусной структуры или иерархии признаков понадобились не столько для фонематики, сколько для освоения неохваченных генеративным подходом явлений – тонов, слоговых и словесных просодий, слогаделения, сингармонизма, дистантных ассимиляций, законов чередований. Примечательно, что фонологическая доктрина развивалась "вширь" и явно дрейфовала в 1970–1990 гг. в сторону просодики, в то время как синтаксическая доктрина не в меньшей мере, чем 30 лет назад, остается теорией предложений; относительно новыми областями, покрываемыми особыми модулями (автономными процессорами), являются морфосинтаксис, предикатно-аргументные отношения, функциональные категории²⁵. Универсальность синтаксического членения не дискутируется: напротив, добавлен постулат об изоморфности всех полных составляющих (Extended Projection Principle). Экскурсы за пределы монопредикатного единства (прономинализация, рефлексивизация) производятся не для моделирования структуры дискурса, а для идентификации синтаксических позиций внутри предложения²⁶.

Тенденции развития американской лингвистики косвенно свидетельствуют против декларируемого на заре структурализма тезиса об изоморфизме звукового и грамматического строя, плана выражения и плана содержания. Нарисованная Е. Куриловичем картина параллелизма правил порядка слов и правил фонотактики – просодический комплекс складывается из фонем так же, как предложение из синтаксических единиц низшего уровня – видимо, мало вдохновляет современных формалистов. И это неудивительно. Дискретность, вычленимость элементов структуры, составляет специфику синтаксиса. Напротив, просодика имеет дело с интегральными сущностями – слогом, интонационным контуром, ударением, при этом, например, слог как сегмент многосложного слова вряд ли существует вне вторичных экспериментов с речевой цепочкой, что не лишает его функциональной значимости. Ввиду этого одинаковые решения в моделях синтаксиса и фонологии мы вправе оценить по-разному. Так, снятие промежуточных уровней репрезентации и различение лишь двух стадий обработки информации – входа (input) и выхода (output) – по нашему мнению, плюс для фонологии. В то же время аналогичное решение, принятое в Минималистской программе Хомского [Chomsky 1995], более спорно, так как снятие различения между Глубинной и Поверхностной структурами обедняет репертуар объяснений²⁷. Доктрина минимализма утверждает, что все процессы в грамматике обязательны, ср. обзор Дж. Бейлина (с. 52), в то время как предсказания Теории оптимальности не

²⁵ Общий обзор данных модулей см. в очерке Дж. Бейлина (с. 32–40). О генеративной теории падежа см. также в главе, написанной И.М. Кобозевой и Н.И. Исакадзе (с. 143–158).

²⁶ Ср. интересные тесты, приводимые Я.Г. Тестельцом в разделах о Теории связывания (с. 90, 106).

²⁷ Данный вывод отражает личное мнение автора статьи; авторы глав книги обзоров занимают осторожную позицию и избегают оценок, так Дж. Бейлин заключает свой очерк словами "Пройдет немало времени, прежде чем эта новая теория приобретет определенный и устоявшийся статус, который позволит рассмотреть более критически все ее слабые и сильные стороны" (с. 55). Вместе с тем, настороженное отношение к минимализму со стороны западных синтаксистов является довольно распространенной реакцией, ср. [Franks 1995: 17]. Резкая критика минималистских объяснений содержится в рецензии Э. Уильямса на книгу Й. Зварта [Williams 1998].

категоричны и предусматривают возможность конфликта так называемых принципов гармонии. Тем самым, гармонические фильтры теории оптимальности соответствуют не столько **принципам** Универсальной грамматики, сколько **признакам**, допускающим межъязыковое варьирование. При этом успех процедуры зависит от того, какой вес приписан принципам, составляющим фонологический фильтр. Так, применение фильтра, включающего Принцип нарастания сонорности в инициации слога и Принцип открытого слога к слогаделению в русском языке позволяет, как показывает С.В. Князев в недавней статье в "ВЯ", выделить из множества разбиений *зав-тра*, *завт-ра* за-втра вариант *зав-тра*, но лишь при условии, что Принципу нарастания сонорности придается большая значимость, чем Принципу открытого слога; если поменять эти принципы местами, то процедура даст вариант *за-втра* [Князев 1999: 100]²⁸.

Подведем итоги. Обсуждаемая книга дает богатую перспективу современной американской лингвистики, уровень и содержание книги полностью отвечает поставленной цели – активизировать диалог между русской и зарубежной наукой. Молодых лингвистов хотелось бы призвать к вдумчивому чтению, с тем чтобы форма изложения не заслоняла от них сути проблем. Препятствием, к сожалению, может стать небольшой тираж – всего 1000 экземпляров, явно меньше потребностей вузовского обучения.

Полемическая перекличка многих разделов книги – перекличка, в которую частично включился и автор данной статьи – объективно отражает современное состояние науки о языке с многообразием подходов и открывающихся возможностей интерпретации. Не все аспекты данной полемики могли быть затронуты в нашем материале. Наиболее фундаментальными представляются две проблемы: проблема мотивированности языковой формы и проблема автономности (модулярности) либо взаимообусловленности языковых подсистем. Было бы наивно предлагать готовое решение. Кажется, однако, что история американской лингвистики и история ее рецепции помогает извлечь определенные уроки:

1) Создание новой глобальной доктрины не является лучшим средством борьбы с издержками другой глобальной теории. Тотальное отталкивание от накопленных ранее объяснений непродуктивно, а единообразное описание всех доступных интуиции или эрудиции исследователя языковых фактов неизбежно обнажает слабости строго монистического подхода.

2) Ценность моделей нужно оценивать независимо от аксиоматических посылок теорий, в рамках которых они были предложены. Иначе легко проглядеть становление новой области исследования или, напротив, не увидеть близости решений, предлагаемых разными доктринами. Важно уметь отделять объяснения, те которые заранее приписывают лингвистическому объекту определенную структуру – их можно было бы назвать **конструктивными** – от тех, которые описывают объект без предварительных соглашений²⁹.

3) Складывается впечатление, что конфронтация взглядов на компетенцию грамматики обнажает слабости сторон. Формалист (сторонник Хомского) видит сущность грамматики в автономности вычислительной системы от употребления. Современный концептуалист (ныне называющий себя функционалистом) видит в грамматике инструмент, позволяющий отразить или даже воплотить (модное слово: **кодировать**) те или иные сущности плана содержания – денотативные реалии, когнитивные стратегии. Вне

²⁸ Понятно, что ранжирование принципов в Универсальной грамматике Хомского невозможно из-за требования о рекурсивном задании грамматики: поскольку все принципы а priori равно обязательны, приписывание им разной силы равносильно требованию об алгоритмизированном порядке.

²⁹ Представление о перемещении элементов по вертикали и представление о нулевых категориях конструктивны, представление о перемещении элементов влево-вправо не является конструктивным, но становится им, если добавить запрет на перемещение в одном из направлений.

сомнения, такие взгляды имеют право на существование. Протест вызывает желание полемистов исчерпать двумя данными точками зрения все многообразие современных подходов. Между тем, обе точки зрения имеют общий изъян: языковая форма, от чего бы ее не отрывали, и с чем бы не сопоставляли, берется обеими сторонами как данность, статично. Альтернативу образует динамический подход, в соответствии с которым компетенция грамматики – механизмы, **демотивирующие** языковую форму, освобождающие ее от зависимости по отношению к плану содержания. Последовательное применение такой программы позволит выявить ее плюсы и минусы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1984 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. 1985 – Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1993 – Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). М., 1993.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. 1996 – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А. 1969 – Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Кацнельсон С.Д. 1936 – К генезису номинативного предложения. М.; Л., 1936.
- Князев С.Н. 1999 – О критериях слогоделения в современном русском языке: теория волны sonorности и теория оптимальности // ВЯ. 1999. № 1.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. 1981 – Современная американская фонология. М., 1981.
- Кузнецов С.Н. 1984 – Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст. М., 1974.
- Мельчук И.А. 1995 – Русский язык в модели Смысл ↔ Текст. Москва; Вена. 1995.
- Падучева Е.В. 1974 – О семантике синтаксиса. М., 1974.
- СМИЛ 1981 – Семантика модальных и интенциональных логик. 1981 – М., 1981.
- Степанов Ю.С. 1985 – В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- ФНСАЛ 1997 – Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997.
- Хомский Н. 1972 – Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
- Brugmann K. – 1917 – Der Ursprung des Scheinsubjektes "es" in den germanischen und romanischen Sprachen // Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Hf. 5. Leipzig, 1917.
- Chomsky N., Halle M. 1968 – Sound pattern of English, New York, 1968.
- Chomsky N., Lasnik H. 1993 – Syntax in generativen Grammatik // Syntax: An international handbook of contemporary research / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternfeld, T. Venneman (Eds.). Berlin; New York, 1993.
- Chomsky N. 1993 – A minimalist program for linguistic theory // The view from building 20. / Hale K., S.L. Keyser (Eds). Cambridge (Mass.), 1993.
- Franks S. 1995 – Parameters of Slavic morphosyntax. New York; Oxford, 1995. IS 1985 – Iconicity in Syntax / Ed. by J. Haiman. Amsterdam, 1985.
- Partee B.H. 1979 – Subject and object in modern English. New York; London, 1979.
- Platzack C. 1987 – The Scandinavian languages and the null-subject parameter // Natural language and linguistic theory. 5. 1987.
- Ross J.R. 1967. – Constraints on variables in syntax. Ph. D Diss. Cambridge (Mass), 1967.
- Rögnvaldsson E. 1990. – Null objects in Icelandic // Modern Icelandic syntax. New York, 1990.
- Williams E. 1998 – The journal of comparative Germanic linguistics. V. I. 1998 – Rec: Jan-Wouter Zwart. The morphosyntax of verb movement: A minimalist approach to Dutch syntax. WOD 1995 – Word order in discourse. Downing, 1995.